

Казанская

Правда

«И дольше века...»

Когда проступят и высохнут слезы после чтения святых книг Чингиза Айтматова, ты сквозь легкое марево июльского дня видишь там, на горизонте, белый пароход своего детства.

Впервые об этом удивительном озере я узнал в далеком детстве из трудов Чокана Валиханова, читая путевой дневник ученого и его запись фрагментов эпоса о Манасе Великодушном. Так зародилась в моей юной душе заочная любовь к этой высокогорной жемчужине, к озеру в оправе диких гор.

А в студенческие годы я впервые воочию увидел эту живописную чашу – чашу Джемшида. Незабываемые мгновения, когда, пройдя второй перевал двухдневного пути из Алма-Аты, из-под ветвистой лапы тянь-шаньской ели вдруг ближе и ближе спускаешься к нему, к этому озеру, которое на все последующие годы становится твоей творческой мастерской под открытым и незабываемым небом.

Поэтическое и многоязычное побережье Иссык-Куля, сырты и горные вершины пленили меня, с каждым годом открывая новые и новые горизонты познания – себя и других, гордых обитателей этого поднебесного края.

Все это, разумеется, переходило в стихи и прозу. И так случилось, что почти все населенные пункты побережья, особенно южного, имеют мои литературные посвящения. И это происходило не сразу, не вдруг, но постепенно, когда твои душа и сердце сливаются в одном порыве, в одном дыхании с ландшафтом «небесного ока земли» – Иссык-Кулем, его побережьем, его многовековой историей и его людьми – прошлого, настоящего и будущего.

* * *

В моей библиотеке есть три издания собраний сочинений Чингиза Айтматова. Первое – трехтомник 1984 года, второе – семитомник 1998-го, третье – полное собрание в восьми томах, вышедшее уже после кончины писателя. Два из них с дарственной надписью Чингиза-ага.

Открывая наугад тот или иной том, погружаешься в магию его повествовательной речи, в образы, людские и человеческие по своей глубинной сути – от мальчика до старика Момуна, от «солдатенка» или Эрмека до учителя Абуталипа, Едиге Буранного, табунщика Танабая, соперживаешь прекрасным женским характерам – Алтынай, Джамия, Бегимай... А чего стоят образы животных, в силу великого таланта художника слова одухотворенных и очеловеченных, зачастую превосходящих нас, смертных и грешных, своим природным благородством.

Пегий пес, бегущий краем моря, старик-рыбак, которому судьба сродни морю и небу, рыба-женщина, влекущая нетерпением плоти, конь Гульсары и верблюды Каранар, волчица Акбара и Рогатая мать-олениха. Раймалы-певец и брат его Абдильхан, конь Саралу и юная певица Бегимай, к которой обращены слова: «С черных гор, когда пойдет кочевье, я на ярмарке не буду, Бегимай».

Даже некоторые фразы, взятые отдельно из ткани повествования, становятся крылатыми, афоризмами. К примеру, «любовь и поэзия погибают от соприкосновения с властью». А трагедия манкуртизма, до боли в висках характерная и актуальная в наши транзитные годы: «Мен ботасы олген боз мая, тулыбын келіп искеген – Я сирая верблюдица, пришедшая вдохнуть запах шкуры верблюжонка, набитого соломой». После таких фраз невольно оглядываешься на луну, чувствуя, что там действительно кто-то есть, а на самом деле видишь белый платок Найман-Ана, который отражает свет нашей памяти и печаль нашего беспомыслия.

Во всем этом есть заклинательные, эзотерические основы нашего многовекового бытия. «Я ощущаю жизнь как трагедию. С жизнеутверждающим финалом», – однажды сказал Чингиз Айтматов.

«Если ты и вправду слышишь, о Боже, мою молитву, которую я повторяю вслед за праотцами из заученных книг, то услышишь и меня», – произносил Едиге Буранный при погребении своего друга Казангапа.

В 1981-м, когда впервые был опубликован этот роман в журнале «Новый мир», я за одну ночь прочел эту великую вещь великого писателя. И всей своей душой впитал в себя дух и образы романа. И сверял по нему в будущем свои поступки и свое творчество.

В тот же год я посвятил Чингизу Айтматову свою «Земную балладу о космосе». Убежден, что не только внешне слова «Тюре-Там» и «Тюре-Тумсук» (родовое поместье моих предков-чингизидов) схожи. В этих значениях есть и некая глубинная связь, уходящая своими древними корнями к самому Чингисхану. На мой взгляд, люди «Тюре-Тама», вблизи которого находился полустанок Боранлы-Буранный, схожи с людьми «Тюре-Тумсука». И по характерам, и по убеждениям, и по складу мировоззрения.

Я вижу очень много общего в образах Абуталипа и моего отца. Такие же люди из аула, как и Едигей Буранный, часто посещали дом моих родителей. Также явственно ощущаю из своего далекого детства тепло их натруженных ладоней, когда в час приезда в наш дом, в Павлодар, они гладили меня по голове, и я так же, как Эрмек, сопротивлялся, когда они вели меня в парикмахерскую.

Скромные в своем поведении, они вмиг оживали, когда за вечерним чаем рассказывали отцу легенды своего края. И лица этих немногословных людей внезапно преображались, когда они незатейливо пели под домбру песни Исы и Шакарима. Помню я и тот день, когда впервые услышал песню Шакарима.

Однажды, в конце 1950-х, в наш дом пришел пожилой человек. Отец, увидев его, обнял, и долго они так стояли у порога, обнявшись, не проронив ни слова. Я успел заметить на его ногах диковинную для наших мест обувь – унты. К вечеру, когда стали заходить родственники и соседи, стало известно, что это близкий родич отца, который долгие годы жил там, где люди ездят на собаках. У него на правой руке не было

четырёх пальцев. Но как он играл одним только большим пальцем! Звуки домбры, заполнив пространство дома, изливали его печаль по прожитым в далекой ссылке годам. И женщины, готовя бешбармак на кухне, вытирали краем платка набегавшие слезы. Родичи говорили, что он видел моего деда Канапью-кажы, знал Шакарима и Ису Байзакова и часто пел их песни.

Чингиз Айтматов, писатель с мировым именем, так говорит о своем романе: «...я не просто представитель определенной национальной литературы, я обязан сказать нечто большее. В этом смысле «нечто большее» я попытался сказать в новом произведении, в романе «И дольше века длится день».

Писатель не может четко сформулировать, о чем его сочинение. Ему всегда кажется, что недостаточно слов, чтобы выразить всю полноту замысла. И все же попытаюсь. Сокровенная мысль моего романа не нова, но и неизбывна: главная суть и ценность мироздания – человек».

В мае 1997 года, когда в Париже проходили торжества, посвященные 100-летию со дня рождения Мухтара Омархановича Ауэзова, в здании ЮНЕСКО я подошел к Чингизу-ага и сказал, что всю жизнь пишу ему письмо о самом сокровенном, что может быть в душе поэта... Он улыбнулся и ответил: «Когда сочтешь нужным прислать свое письмо – присылай. Я жду».

Так две мои книги, «Ұстаз» и «Тағылым», посвященные отцу и матери, стали своеобразными письмами великому писателю.

Как здесь не вспомнить вещице слова из романа Чингиза Айтматова: «Вспомни, чей ты? Чей ты? Как твое имя? Имя? Твой отец Доненбай! Доненбай, Доненбай...»

* * *

Когда я учился в Москве, на Высших литературных курсах, которые в свое время окончил Чингиз Айтматов, заведующая учебной частью Нина Аверьяновна Малюкова однажды показала нам стенограмму семинара, на котором обсуждали повесть «Джамиля». Среди потока необоснованной критики курсантов-семинаристов, бесстрастно запечатленного рукой стенографиста, нас поразила ремарка, приписанная с боку, в углу: «Айтматов плачет».

Не знаю, сохранилась ли эта стенограмма, наверняка в архиве Литинститута она имеется. Но я не об этом, а о том, что даже на уровне учебного семинара, где можно было смело обсуждать вещи, так сказать, не для печати, «Джамиля» Чингиза Айтматова вызвала бурное обсуждение и неприятие среди собратьев-семинаристов. И это в стенах Литинститута. А вне этих стен нашей альма-матер?

Вот что писал сам Чингиз-ага: «После выхода повести «Джамиля» один из наших известных писателей принялся ее критиковать. На партсобрании перед общественностью страны он горячо говорил о том, что форма и содержание литературного произведения должны соответствовать политике Коммунистической партии, что нужно неукоснительно следовать принципам социалистического реализма. В конце концов, утверждал он, каждый случай развода супругов – проблема огромной важности, которая должна обсуждаться партией. Именно партия является оплотом, охраняющим единство семьи, а сюжет моей повести идет вразрез с этим постулатом.

Когда я работал над повестью, то совсем не думал о подобных последствиях. «Джамиля» с момента своего появления вызвала большой интерес и у нас в стране, и за рубежом. Везде книга бурно обсуждалась. Мой неожиданный успех стал значительным шоком, как это часто бывает, для друзей-коллег: многие предпочли хранить молчание по поводу повести. Только отдельные наши «классики», как говорится, «и в хвост, и в гриву» чихвостили книгу...

Такую, мягко говоря, «критику» я вынужден был выслушивать лично.

Что я мог сказать или сделать в такой ситуации?! Недаром говорят: «молчание – золото!» Что бы ни говорили злопыхатели, повесть «Джамиля» уже с момента опубликования на русском языке получила международное признание. Вначале она вышла в журнале «Новый мир», главным редактором которого в то время был Александр Твардовский. Моя многолетняя дружба с одним из великих писателей русской литературы началась именно с повести «Джамиля». Александр Трифонович в тот период был безусловным авторитетом, пользовавшимся всеобщим уважением. Не ошибусь, если скажу, что многие произведения и их авторы своей известностью обязаны именно ему, личности, которая является совестью страны. Поэтому я благодарю судьбу за то, что она свела меня с Твардовским.

Еще до «Джамиля» я выслушивал критику партийных руководителей. Тот факт, что повесть «Лицом к лицу» была благосклонно принята нашей писательской общественностью, объяснялся тем, что она вначале увидела свет на русском языке в журнале «Октябрь», в Москве, главным редактором которого был Ф. Панферов.

Правда, и тогда нашлись «критики» в местной прессе, обвинявшие меня в том, что я слишком беззубо изобразил дезертира Исмаила. По их мнению, он выглядел трагедийной фигурой.

Но несмотря ни на что судьба повести «Лицом к лицу» оказалась счастливой благодаря тому, что увидела свет в Москве.

«Джамиля» же на пути к читателю встретила со многими сложностями. Но она же и познакомила меня с главным редактором журнала «Новый мир». Ту нашу первую встречу, беседу по душам я никогда не забуду. Именно тогда Александр Трифонович предложил мне поменять название повести «Мелодия» на имя главной героини. Наверное, при встрече он объяснил мне, чем предпочтительнее новое название, но я уже этого не помню. А тогда с радостью ухватился за это предложение мэтра.

В ту же первую встречу Александр Твардовский очень подробно и доходчиво объяснил мне, как писать, чтобы обойти застойно-тоталитарные требования литературных чиновников от Компартии. Он посоветовал мне писать сразу на двух языках – русском и киргизском. Но печатать вначале в Москве на русском, чтобы обезопасить себя от местных партocrats.

В справедливости слов Александра Твардовского я убедился в работе над повестью «Прощай, Гульсары!». Я буквально кожей чувствовал правоту известного писателя. И если бы не воспользовался мудрой стратегией, подсказанной мне старшим другом, то повесть «Прощай, Гульсары!» умерла бы, не появившись на свет...»

Я специально так широко цитирую Мастера, историю создания и появления в печати повести «Джамиля» и дальнейшей ее судьбы. На мой взгляд, во всем этом прослеживается та самая творческая взаимосвязь и, если хотите, искренняя, сердечная поддержка интеллектуальной России и Москвы, как это всегда и было по отношению к Мухтару Ауэзову, Расулу Гамзатову, Василию Быкову, Ивану Драчу, Мумину Каноату, Иону Друцэ, Олжасу Сулейменову, Нодару Думбадзе, Эдуардасу Межелайтису,

Тимуру Зульфикарову, а также ко многим блистательным национальным именам громадной империи Страны Советов.

Необходимо добавить, что, согласно молве и воспоминаниям современников, в это самое время Мухтар Ауэзов лично передал уже опубликованную повесть «Джамиля» Луи Арагону, с подачи которого она была переведена на французский язык и публиковалась в нескольких номерах газеты «Юманите».

Писатель в силу своего таланта всегда находится в оппозиции, в первую очередь по отношению к себе, а затем уже к окружающей действительности. Это, на мой взгляд, аксиома. Именно с первых литературных произведений («Джамиля», «Лицом к лицу» и другим) Чингиз Айтматов, может быть, еще неосознанно и ненамеренно следовал этому постулату. Именно тогда зарождался своеобразный «узел кущения», из которого вызревали зерна писательского таланта и будущая ничем не подкупная позиция личности. Да и время во второй половине 50-х было уже иное.

Мало кто знает, что часть своего раннего детства Чингиз Айтматов провел в Москве. Он навсегда запомнил прощание на Казанском вокзале с отцом, Торекулом Айтматовым, который учился в Институте красной профессуры и был вскоре расстрелян, и этот судьбоносный эпизод словно врезался в цепкую детскую память. Да так, что тоска по отцовской любви спустя годы вошла в суть детских характеров, с истинным гуманизмом выписанных в образах мальчика из «Солдатенка», «Свидания с сыном», «Белого парохода» и Эрмека из «Буранного полустанка». А также негасимая нежность женщины-матери, которая во все века всегда принимала на свои хрупкие плечи всю тяжесть по сохранению семейного очага – Толганай, Найман-Ана, Рогатая мать-олениха, Зарипа, Укубала...

А затем, на протяжении полувека, тянулись звездные часы писателя, каждое новое произведение которого с восторгом воспринималось миллионами читателей и у нас, в огромной советской стране, и за рубежом. Его произведения были переведены на 165 языков мира и изданы в 130 странах общим тиражом более 67 млн экземпляров. По данным ЮНЕСКО, на 1998 год они издавались 830 раз. Многие из писателей, известные и менее известные, меняли фарватер своего творчества в угоду власти. Но только не Чингиз Айтматов. Наоборот, с каждым произведением та самая «оппозиция творчества», о которой я

говорила выше, принимала в себя новые темы и новые формы романа – «Буранный полустанок» и «Плаха».

Обласкан был, да! Депутатство, секретарство, Герой Труда, самые престижные премии страны... Но когда писатель садится за письменный стол перед чистым листом нового произведения, позвольте ему самому решать – каким быть. Сейчас и навсегда! А все остальное – это где-то правила быта и большой игры. Кстати, эти правила игры всегда были в ходу – и в прошлые века, и в наше время. Суть в другом – в самом стержне творчества и таланта. А все остальное, как говорится, суета сует. И Чингиз Айтматов в силу объективных и субъективных причин принимал эти правила, но всегда, как в книгах, так и в своих трибунных выступлениях, был предельно честен и откровенен. Слушатель или читатель всегда находил в этих выступлениях зерно мысли, не говоря уже о самом творчестве, которым он духовно обогатил наше общее евразийское пространство. Я признателен и благодарен судьбе, что знал его не только как писателя, но и лично, имел возможность постигать его произведения душой и сердцем еще в далекой юности, восхищаться ими. Думаю, что в новом веке нас ждет ренессанс именно такой высокохудожественной литературы.

Разумеется, «правила игры» отражались и в произведениях – фрагментарно и эпизодично; но в контрасте с этим так выпукло и образно значимо проступали главные герои и персонажи, взятые из глубины жизни, реальности и бытия. Это, во-первых, а во-вторых, именно литература социалистического реализма освоила новые, неизвестные и неизведанные ранее темы и сюжеты, какие оказались по силам только большим талантам, большим мастерам – таким, каким остается в своих произведениях Чингиз Айтматов.

Кстати сказать, именно в тот период, который упрекают в «двойных стандартах», наиболее демократичная среда была почти во всех союзах кинематографистов и на братских киностудиях. И многие из литераторов обретали в такой среде «киношников» своеобразную созидательную атмосферу. Многие писатели и поэты находили свой круг единомышленников в сценарных коллегиях, в павильонах и в экспедициях, вынося из этого круга общения новые идеи и сюжеты, не замутненные идеологией того периода. Именно в 60–70-х годах Чингизом Айтматовым были написаны многие литературные произведения, именно тогда, когда он руководил Союзом кинематографистов Кыргызстана.

Мне сейчас трудно судить о времени, в котором живем, существуем, прозябаем, надеемся... Нынешние времена – времена даже не двойных стандартов. Сегодня, когда творчество во многом зависит от прибыли и рентабельности, исчезает гуманистичная направленность нашего бытия. В силу этого почти нет и литературных произведений, по широте охвата образов и характеров тождественных книгам Чингиза Айтматова.

Продолжение следует

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ, поэт, лауреат Государственной премии им. Абая